

ВОЛКИ
В
ПСИХУШКЕ

18+

Дмитрий Арсеньев

Дмитрий Арсеньев

Волки в психушке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42573165

SelfPub; 2023

Аннотация

Черный волк зла против белого волка любви. Поможет ли любовь вырваться на свободу из психбольнице? Основано на реальных событиях.

Дмитрий Арсеньев

Волки в психушке

Здесь главное не пропустить поворот. Главное не пропустить. Просека всегда появлялась неожиданно.

Нежданно, как шанс влюбиться. Вы хотели бы влюбиться? И не только вы. Миллионы людей совершают одну и ту же ошибку. Они ищут. Ищут, ищут, ищут. А когда ты постоянно в безрезультатных поисках, то постепенно становишься озабоченным, нуждающимся. Таким никто не подаёт: ни люди, ни судьба. Любовь приходит только к тем, кто перестаёт её искать.

А посему я просто расслабился, и в нужный момент нога сама прижала педаль тормоза, а руки сделали синхронное движение вправо. Тело стало подтанцовывать на ухабах в такт подвеске. Есть всё же плюс в неновой машине. Сейчас клиренс делают совсем крошечным – дань моде и подражанию гоночным автомобилям из «Форсажа».

Всегда плохо осознавал тот момент, когда нужно остановиться. Почему именно в этом месте? Потому что я знаю. Мозг беспричинно даёт телу команду. Да. Здесь.

Батарейки фонаря ещё тянут, но светит он уже слабо, в метре от меня деревья сливаются с тьмой.

Шаг, шаг, шаг. Лес даёт пощёчины ветками-ладонями, пытаюсь остановить, вернуть разум, повернуть тело назад, к

чёрному силуэту оставленного авто.

Я ощущаю уже физически прибавление луны в небе. Оно ещё не заметно на глаз, но тело уже трепещет, предвкушает, ожидает с нетерпением. Нетерпение каждой оставшейся минуты, каждого гулко-го биения сердца, каждой новой дрожью в мышцах.

Ах! Чёрт! Дух земли сбил дыхание. Ткнул носом в прелую листву. Фонарь отлетел в темноту, высвечивая где-то сбоку тоскливый жёлтый круг. И чёрт с ним. Надо подогнуть колени под себя. Вот так. Мне нужно лишь сделать, то, на что у древнего человека ушли тысячи лет. Подняться. Да! Разогнуться. Да! И идти.

Идти, пока чувствую путь. Мне уже не нужен свет.

Вот здесь. Круг в небе почти ровный. Необходимо успеть. Курта, джинсы, рубашка. Пальцы путаются в складках ткани. Рывок, и пластмассовые бусинки пуговиц канули в темноту. И хотя на мне уже нет никакой одежды, ночная прохлада совсем не ощущается. Лишь нетерпение. Теперь надо сесть на колени и ожидать. Вздрыбившиеся волосы на прижатых к телу руках покалывают иголками. Я жду. Жду её.

* * *

– Ростислав Валерьевич. Дмитрий мне не чужой человек, а друг. И мой друг должен лечиться в хороших условиях. Вы обещали ему лучшую палату. Я её оплатил. Щедро, прошу

заметить. Почему же он в обычной?

Марат в бытность свою дослужился до полковника полиции. Причём путь начал с самых низов. За эти годы его взгляд приобрёл нужную твёрдость, что даже бывалый главврач отводил глаза.

– Марат Абрамович, уважаемый, поверьте, всё, что мы делаем – только во благо вашему другу. Вы наверняка в курсе его маний. Палата-люкс, к сожалению, находится на скажем так, лунной стороне, что при ясной погоде вызывает у вашего товарища определённый невроз. А какая альтернатива? Только транквилизаторы. Думаю, вы согласитесь, что лучше мы переведём его в палату попроще, но с другой стороны здания, оставив улучшенный режим кормления и ухода, чем будем усугублять процесс лечения описанными мною факторами?

Марат выдохнул и на несколько секунд уставился в зарешеченное окно, за которым тревожно мелькали под майским предгрозовым напором ветра ветки. Ливень приближался, как и обещали синоптики.

– Какие прогнозы доктор? Я вижу, что Дима уже вполне адекватен, но вы-то врач, вам виднее. Что скажете?

Чем меня всегда немного нервировал главврач, так это бегущим взглядом. Странновато, конечно, для психиатра, но стоит просто поставить себя на его место. Пройти мысленно путь от студента – практиканта до начальника больницы, где вся эта дорога усыпана конвертами от родственников па-

циентов (а иначе и не выжить). Тогда легко понимаешь, су-етливые скачки его глаз, тот еле заметный вздох облегчения, что вылетел из уст Ростислава Валерьевича при виде очередного подношения от моего товарища.

– Буквально две-три недели, уважаемый Марат Абрамович, и вы сможете забрать своего друга совершенно здоровым. На счёт этого у меня практически нет никаких сомнений.

Марат удовлетворённо кивнул, пожал врачу руку, и через секунду дверь захлопнулась за его широкой спиной. Я ожидал друга в коридоре, облокотившись на пластиковый подоконник.

– Пойдём Дима, проводишь меня немного. Скоро забереу тебя. Ты главное лечение принимай, какое назначили. Пьёшь таблетки, не выкидываешь?

– Нет, Марат делаю, как ты сказал. Что он ответил?

Мы остановились перед самой решёткой, за которой стоял охранник. Марат ещё раз хлопнул меня по плечу, и шагнул в мир, где властвовал ясный разум здоровых людей, которые, впрочем, просто не знали степени своей шизофрении.

– Через пару недель будем кушать с тобой шашлык, дорогой.

Охранник достал из сейфа пистолет в наплечной кобуре, осторожно протянул его Марату.

– Спасибо, что приехал, Марат.

Я развернулся, мельком глянув на древние настенные

электронные часы с огромными зелёными цифрами. Через полчаса обед и таблетки. Надеюсь, и в этот раз я снова сумею их не проглотить.

* * *

Твои глаза издалека кажутся двумя хищными звёздами, готовыми погубить своим притяжением доверчивых астронавтов. Но вблизи они уже были полны желтизной луны, приправленной зеленоватой темнотой дикого леса. Даже если мне захотелось, я бы не смог бежать. Только первое прикосновение даёт эту возможность – снять оцепенение.

В самый первый раз мне показалось, ты целую вечность стояла и смотрела. Не шевелясь. Лишь маленькие струйки дыхания с определённой частотой окутывали нос, через мгновения бесследно растворяясь в воздухе.

Подошла ко мне совсем близко. Ноздри раздуваются, втягивая, исследуя, пробуя запах моего тела. Когда в самый первый раз я невольно дёрнул головой, ты оскалила свои клыки, такие ослепительно белые в темноте. Верхняя губа скользнула вверх. Может ты смеялась надо мной? Но знакомо ли зверям чувство юмора? А может ты злилась? Может и так, ведь в хищном обличии ты знаешь, что такое ярость.

Ещё немного ближе. Твоё дыхание так знакомо касается моей кожи на шее. Чуть вверх, да. Я изнемогаю. Быстрее!

А-х-х-х-х! Резцы сомкнулись на мочке уха, сжали её слег-

ка, чтобы тёплые капли побежали на твой язык, падали с пасти на холодную траву и, щекоча рецепторы кожи, сбегали в ямочку ключицы.

Моё тело касается твоего нежного меха. Поскуливание превращается в тихий стон. Шерсть искрится, переливается в темноте яркими маленькими вспышками, растворяется в воздухе. Теперь я чувствую твою слегка прохладную кожу. Изящный, будто светящийся в ночном свете силуэт. Матовые, плавные линии твоего тела. Глаза-миндалины, уже почти человеческие, лишь глубокий цвет жёлтой луны неистребим, удерживает в тебе истинную ипостась Зверя. Губы мягкие, а волосы ускользают сквозь мои пальцы, шелковой неподвластной рекой. Тысячи красавиц испытали бы зависть к их нежному потоку, если бы хоть на миг увидели тебя.

Господи, если это безумие, то я не хочу возвращаться к разуму! К той серой реальности прошедшего времени без тебя. Ведь теперь ты даришь мне почти бессмертие, но такое мучительное. Месяц длится вечность и страшно подумать о сроке в год.

Прошлогодня хвоя, маленькие травинки, крошечные букашки, копошащиеся в земле – всё ощущается мягчайшим ковром.

Ты даёшь мне только секунду вдохнуть, втянуть твой запах, и снова сплетение языков, касание губ, прикосновения, лёгкие влажные мазки где-то внизу заставляют кровь кипеть. Уже сама подо мной, на ковре из листьев. Уже мой стон пе-

реходит в рык. Но у моего Зверя нет клыков. Его оружие – он сам. Терзает твоё тело своим. Вбивает его в мягкий ковёр прошлогодней листвы. Двигается в такт нашим сердцам.

Мне хочется вжаться, вселиться в тебя, ослепить твою тёмную сторону ярким жарким светом ближайшей звезды. Расплавить тебя. Слиться с тобой. Двигаться вглубь этих недр со скоростью света. Выплеснуть в бескрайнюю пропасть твоего желания миллиарды частиц моих инстинктов. И когда мне будет уже не под силу остановиться, ты распахнёшь свои глаза. Звериные зрачки на миг сузятся в тонкую щель, поймают моё тело в крепкий захват, выдавливая, впитывая в себя желание. И лишь затем превратятся в огромную чёрную бездну, куда мой разум с измученным стоном провалится, и будет падать бесконечно долго вниз, без надежды достичь когда-либо дна...

Я очнулся от дрожи в теле. Листья на деревьях уже не могли сдерживать напор дождя и уступили под натиском холодных капель. Господи, где я? Почему я совершенно голый? Одежда стала совсем сырой, суетливо натянутая рубашка облепила холодным мокрым спрутом моё тело. Нужно вернуться к машине, включить печку.

Босые ноги скользили по мокрой земле. Сколько времени я здесь провёл? Уже почти рассвело, а последнее, что осталось в моей памяти, как выходил из машины на тёмной лесной просеке. Зачем я сюда приехал? У меня что, лунатизм?

Помутнения сознания, провалы в памяти? Надо доехать до города, чего-нибудь выпить покрепче, дальше подумаем.

Так, ключ в кармане джинсов. Да, слава Богу, что не выпал где-то в лесу. Ф-ы-р-р-р-к. Мотор ровно заурчал, как будто стараясь успокоить меня, поддержать привычным за долгие годы звуком.

Чёрт как унять эту дрожь? Быстрее бы печка раскочегарилась. На заправке можно будет взять кофе, только гляну-ка сначала на себя, а то, не ровен час, ментов вызовут. Зеркало солнцезащитного козырька на секунду ослепило включившейся подсветкой.

М-да-а-а. Всколоченные волосы, глаза в красной сетке лопнувших сосудов. Обойдусь без кофе, чёрт с ним! Уже почти закрыв козырёк, моя рука вернула его назад. Мочка левого уха в отражении в зеркале была вся в трещинах запёкшейся крови, ещё немного сочащихся от глубокой раны, похожей на порез финским ножом.

И я всё вспомнил. Всё. В мельчайших деталях. И под накрывающей мой разум волной паники, я уже тогда различил пока очень слабый призыв, растущий с каждым днём, с новым мгновением приближения полнолуния. Доводящий до изнеможения, выворачивающий душу, не дающий спокойно спать, протяжный, пугающий дремлющие в небесах звёзды, отголосок воя волчьей стаи.

– Арсеньев! Таблетки. Открывай рот!

Санитар отодвинул в сторону решётку и расслабленной походкой направился ко мне. Не напрягается, потому что я небуйный. Ну, уже, по крайней мере.

В одной руке у него был бумажный кулёчек с мерзкими кусочками забытья, в другой – сдавленная во многих местах, с жёлтым налётом извести, пластиковая бутылка с водой.

Вы когда-нибудь мечтали стать деревом? Просто торчать сотню лет в одном и том же месте? Испуганно гнуться под порывами злого ветра? Коченеть от мороза зимой? Или бес- сильно наблюдать, как подрывает ваши корни какая-нибудь свинья, не обязательно в прямом своём обличии?

Ещё в первый месяц в психушке я понял – будешь пить таблетки, станешь деревом или ещё чем-то похуже, вроде ме- бели.

Три ненавистные пилюли. Две жёлтых и одна белая. Вы- сыпал мне в открытый рот. Теперь быстро, пока рука с бу- тылкой воды поднимается к губам, сдвигаем их языком вниз за зубы. Так. Послушный глоток. Покорных больных не по- дозревают и не проверяют им рот.

– Молодец. Сигареты надо?

«Блин! Да иди уже быстрее!»

– Нет, Сергей Васильевич. Имеются ещё с утренней раз-

дачи.

Сигареты здесь ходовой товар. Не курить просто не возможно, когда вокруг дымят все абсолютно. Воистину человек – стадное животное. Воистину человечество – животное стадо.

Как только он ушёл, я незаметно выплюнул таблетки на ладонь. Они незаменимы в местном бартере, особенно для алкашей с «белкой». Три таблетки – это шесть сигарет. Табак и пилюли – самая твёрдая валюта в психушке, независимо от цены за баррель нефти. Три сигареты – сто рублей.

Эта сотня и пойдёт в расход дежурному санитару на Окулиста. Его палата в самом конце коридора, после отсеков «Космонавтов» и «Алкашей». Покорителей космоса тут настоящих, конечно, нет. Так называли особо буйных пациентов, спелёнутых в смирительные рубашки, и привязанных к койкам. Наполеоны тоже перестали встречаться. Из "знаменитостей" за четыре проведённых здесь месяца я видел только Путина, кстати, совершенно непохожего на оригинал внешне, но бесподобно точно повторяющего его говор. Был ещё Поттер, который Гарри. Если санитары щёлкали клювами и не находили при шмоне вилку или ложку, он с завидным постоянством обновлял у себя шрам-молнию. Так и ходил вечно с незаживающей раной на лбу.

Сотня рублей перекечевала в чужой карман, лицо дежурного санитаря отвёрнуто в сторону. А вот и палата Окулиста. В двери окошко, ничем не примечательное, грубо выкрашен-

ное серой краской. На средневековых картинах и фресках ворота ада выглядят устрашающе и величественно. Враньё! Вот как выглядит вход в преисподнюю – серая, обшарпанная стальная дверь. Сейчас приоткроем окошко. Я знаю Сатана, ты уже чувствуешь, ждёшь.

Окулиста месяц как перестали привязывать к кровати, но смирительную рубашку отменил бы только самоубийца.

Он был готов к нашему свиданию. Обычный мужик лет сорока. Спокойное лицо. Глаза почти голубые, с примесью серого цвета. Немигающие веки. И мой любимый шрам на шее от рваной раны. Зрачок в зрачок, словно между нами мост. Мост ненависти, ведущий в разные вселенные.

Окулистом этого урода прозвали не зря. Высшее проявление его большого разума было в стремлении к акту ослепления. Он выколол глаза примерно пятнадцати людей. Любым острым предметом. Молниеносно. Секунда-две, жертва только начинает кричать, но уже слепа, а её кровь ещё даже не остыла на руках безумца. Когда от него убрали все предметы, хотя бы потенциально могущими быть острыми, тварь научась проявлять свою страсть при помощи пальцев.

Однажды в коридоре, едва пройдя пару десятков шагов мимо меня, увязанный в смирительную рубашку, он накинулся на замешкавшегося возле двери в палату врача. Всего лишь десять секунд, пока я бежал к ним. Десять секунд, пока врач кричал. Десять секунд ему понадобилось, чтобы повалить доктора и большим пальцем ноги выдавить глаз из

черепа, затем с довольной улыбкой отвалиться к стене больничного коридора. И через десять секунд я прыгнул и вцепился зубами в его горло. Это стоило мне продления лечения ещё на два месяца. С того времени раз в день я приходил к нему и смотрел в окошко двери.

Немигающие взгляды, направленные друг на друга. Двух хищников. Волка и Сатаны. Мост ненависти, по которому в любом случае придёшь только в ад.

* * *

Баба Нина перевернула шахматную доску к себе тылом чёрных фигур и спрятала королеву темнокожих за две суровых, полных решимости защищать свою госпожу до последнего, ладьи. Шахматы в этой тюрьме – привилегия. Считается, что психи способны проглотить мелкие фигуры.

Потасканный пластиковый стул напротив устало принял вес моего тела.

– Не скучно с собой играть? Составить компанию, баб Нина?

Увидев меня, женщина оживилась. Глаза заметались из стороны в сторону. Схватив за ворот больничного халата, она довольно резко дёрнула моё тело к себе так, что даже хрустнуло где-то в шее. Женщина торопливо зашептала:

– Дмитрий, голубчик. Вы должны что-то сделать! У вас санитарями и врачами хорошие отношения. Пожалуйста!

Я немного отодвинулся от неё, быстро посмотрев по сторонам в поисках дежурного бугая, но, как обычно в комнате отдыха никого не было. До обеда был ещё час, и психи, которые небуйные занимались своими сумасшедшими делами. Один бормотал в углу, другой гладил облезлый фикус в горшке, при этом что-то жуя. Наверняка это был оторванный лист. Пару зеков в углу резались в карты, и точно не на интерес, судя по злomu азарту на лицах.

– А что такое баба Нина?

– Дмитрий, их привезут послезавтра. Их нельзя сюда пускать! Смерть! Смерть придёт вместе с ними!

Баба Нина была вовсе не бабка, ей лет-то на вид в районе тридцати с большим хвостом. Попала сюда благодаря своей же навязчивой идее: она постоянно кричала, что её изнасилуют. Правда уколы и жёлтые таблетки быстро дали нужный результат. Крики поутихли. Баба Нина стала спокойная, молчаливая, за что и была выписана полтора месяца назад. Через пару дней трое парней, живущих в ее подъезде, дембельнулись со срочной службы и не слабо отметили возвращение домой. От водки и травы их примитивные мысли повернулись в сторону тоски по женскому полу.

Есть такая народная примета – не выбрасывать мусор вечером, мол, денег не будет. Но если бы деньги могли остановить упоротых наглухо отморозков! Бабу Нину прямо с мусорным ведром, которое она так неудачно собралась вынести, затащили обратно в ее же квартиру и в течение несколь-

ких часов избивали и насильовали. Так она снова попала к нам. После этого случая за ней прочно закрепилась слава ясновидящей. Ну а самые эффектные провидицы – это многочисленные бабки. Вот так Нина Архипова стала «бабой Ниной» В чём – чём, а в том кто прибудет вскоре в наше психиатрическое чистилище, она ни разу не ошибалась.

– Баба Нина, кого привезут. Кто они?

Она ещё сильнее склонилась ко мне, одной рукой не отпуская ворот халата. Мелкие кусочки слюны летели вслед за словами. Зубы баба Нина не чистила видимо очень давно, судя по смраднему дыханию.

– К «зекам» привезут. Убийцы они. Все чёрные. Мысли чёрные. Чернота в голове...

Ну что я мог сделать? Пойти к врачу и сослаться на пророчества сумасшедшей?

– Эй, психи! Бегом обедать! Живо я сказал!

Зычный голос санитаря Антона ненавидели и боялись всё. Настоящий отморозок и садист. Мне он ничего не делал, думаю из-за предупреждений главного врача, которому так нравились конверты Марата, с приятным содержанием. Но вот остальные убогие, которым он выплёскивал горячий чай в лицо, бил наотмашь пластиковой бутылкой с водой по голове, опасались его как огня. Мразь! Однако его терпение лучше не испытывать. Пару ложек баланды надо проглотить, а то утром лишат лимита сигарет...

* * *

Говорят, что от сумы и тюрьмы в нашей царстве-государстве зарекаться нельзя. А от психушки?

Нормальному человеку попасть сюда действительно нелегко. Придёте, постучите в дверь, но это вам не церковь. В основном здесь все пациенты пребывают заслуженно.

Хотя если очень захотеть, то, конечно, можно. Смажьте верёвку душистым мылом, проверьте крепко ли стоит табуретка, оповестите всех в соцсетях, что «жизнь – боль». Главное, дождаться! Дождаться «спасателей»! Ну а потом уже имитируйте уход из опостылевшей серой повседневности. Скорее всего, на всякий случай вас привезут сюда. Таких «самоубийц» я даже особо не запоминал, уж больно быстро они шли на поправку, добившись своих целей. Моя же история лечения началась четыре месяца назад, и подробности я знаю во многом со слов Марата.

* * *

Полнолуние бывает только раз в месяц. Даже само слово месяц звучит так тоскливо, долго, как волчий вой, который вроде где-то далеко, и в то же время так опасно близко. Оно уже совсем не течёт, а медленно капает, как из плохого кра-

на.

Кап...

Кап...

Кап...

Внутри с каждым ударом разбившейся воды росло нетерпение. Паническое побуждение что-то сделать, куда-то бежать. Когда нужны действия, люди часто заменяют их курением. Всё верно, ведь ты что-то делаешь? Чёрт! В моей пачке осталось всего две сигареты, все остальные уже подарили мне свою горечь на языке.

Кап... Кап... Кап... Кап... Кап...

Секунды ускоряли ритм в испуганном биении сердца. Осталось сутки, или чуть больше, а я ещё здесь, у западного побережья Таиланда. Зачем я вообще ввязался в эту регату Алекса? Думал, что расстояние меня отпустит, освободит, но...

– Алекс, я должен улететь назад в Москву. Мне нужно, понимаешь...

Впервые я видел его таким злым. Впервые сложно было смотреть в глаза другу.

– Не понимаю я этого, Дима! Ещё не понимаю одного – ты сам предложил, сам подписался под реализацию идеи регаты с писателем. Мы делали рекламу заранее, я всё с тобой согласовывал. Люди выложили двойную оплату! Если ты улетишь, то как ты напишешь о них и этом путешествии книгу? В этом главная изюминка этой поездки.

В тот вечер мы сильно поругались. Я уже был в не адеквате. Мой разум тянуло туда, через тысячи километров в подмосковный лес. Рано утром я уехал в аэропорт, перед перелётом выпив пару таблеток, оставшихся ещё со времён разрыва с Мариной. Нужно было ослабить натянутую струну внутри, и совсем не хотелось, чтобы меня высадили где-нибудь в Казахстане, как психа или алкоголика.

«Убедительно просим, не вставайте со своих мест. К выходу из самолёта мы вас пригласим дополнительно».

Когда возвращаешься из буйного жаркого лета в «теплый» московский декабрь у меня сразу возникает желание сбежать назад. А сейчас хотелось просто бежать. Из самолёта, от людей, на ту самую лесную просеку, где совсем скоро появится она.

– Молодой человек! Пожалуйста, сядьте! Самолёт ещё не закончил движение. Скоро мы пригласим вас к выходу.

Голос стюардессы доносился, словно из какого-то марева, как будто у меня сейчас был жар. Картинка расфокусировалась, её лицо размывалось, на мгновение раздваивалось, выглядело бледным овалом, словно неполная луна в небе. Луна в небе. Луна...

– Так, мужчина. Пожалуйста, вернитесь на своё место, вы совсем скоро сможете выйти. Вы нарушаете правила авиационных перевозок. Вы хотите, чтобы я вызвал полицию?

Теперь уже стюард, совсем молодой парень, отрывает мою руку с рычага двери. Видно было, что он очень раздосадован

такими проблемами под самый конец полёта.

– Мужчина, успокойтесь! Сядьте немедленно в своё кресло!

Так, только без ментов. Хотя бы этот факт мой мозг ещё мог осознать.

– Простите, у меня жар. Всё как в тумане. Можно я здесь сяду пока?

Я показал на пустующее место бизнес – класса.

– Садитесь, садитесь! Скоро пойдёте, прямо первый. Только садитесь!

На нижний уровень «Шереметьево» нужно было идти слишком долго. Я ломанулся в ближайший выход.

Надпись на двери: «Служебный выход. Только для персонала» Толчок. Толчок. Ну, давай же! Она там, я чувствую. Она уже пришла, а меня нет.

– Эй, мужчина, вы куда?!

Крики призраков из тумана. Да твою же мать! Дверь поддалась от удара.

Бегом по автомобильной эстакаде. Вот он лес.

– Эй! Эй! Вызывайте наряд! Куда этот псих побежал?!

Ещё немного вниз и я спрыгну. Фам-Фам-Фам! Такси жёлтым пятном обогнуло мою фигуру, бежавшую прямо посередине дороги. Бородатое лицо в машине, что-то беззвучно кричало, продолжая нажимать на клаксон.

Прочь от меня! Прочь от вас всех! Э-х-х-х! Я с трудом перевалился через ограждение. Сумка с ноутом улетела в уце-

левший от оттепели сугроб. Я бежал, бежал, бежал, на ходу срывая с себя одежду. Ничего не слыша, кроме тонкого пронзительного, болезненного свиста в голове. Всё сильнее натянута нить. На самой грани разрыва. Не осталось сил терпеть...

– Н-е-е-е-е-т!

Ноги подогнулись и колени в грязную жижу на обочине шоссе, куда вывела меня лесопосадка.

– Н-е-е-е-е-т!

Я выл, тщетно пытаюсь остановить невозможное. Полнолуние кончилось. Волчий глаз в небе потерял идеальную круглую форму. Она ушла. Я опоздал.

Именно таким, стоящим на коленях в грязи, абсолютно голым меня обнаружил наряд ДПС, проезжавший мимо. Так моя свобода попала в крепкие тюремные кандалы галопери-дола и аминазина.

* * *

Запахи. Их океан. Целая вселенная всевозможных оттенков. Тело не чувствует вес, лапы взмывают на мгновение в воздух кусочки земли и листьев – частицы прошедших лет. В пару прыжков догоняю ее, зубы несильно прикусывают холку. Остановись, сучка! Она уже на спине, упирается в меня лапами, несильно отталкивая. Пытается игриво укусить меня. Наши головы соприкасаются. Рычание, скулёж. Любому

человеку стало бы страшно, окажись он поблизости. Но здесь только мы. Верхняя губа оскалены, на языке мелкие капли. Но это совсем не ярость.

Волки тоже могут радоваться, умеют улыбаться. Просто когда вы их видите, а они смотрят на вас, то в крови у них вскипает, бурлит память древнего противостояния двух жестоких хищников Земли. Серые тени меж стволов деревьев, парные светлячки волчьих глаз. И когда линия красных флажков человеком будет пройдена, добавляется белый отблеск острых клыков...

– Арсеньев, подъём!

Противный свет зарешеченных в потолке ламп вырвал меня из тёмного леса в новый день казённого дома.

– Сигареты получай! Сегодня семь авансом, за уборку. Будешь мести по фасаду женского крыла. Понял? В час, чтобы был возле подсобки.

– Хорошо.

В горле было сухо, противно першило. Санитаров лучше не злить. Чем ты послушнее и расторопнее, тем меньше к тебе внимания.

Очередной утренний умелый трюк с таблетками прибавил в мою заначку ещё одно желто-белое трио кругляшей.

Я быстро прикинул – рублей на пятьсот есть. Теперь нужно определить кому из «алкашей» или «зеков» их втюхать. Лучше конечно иметь дело с первыми, этот народ хотя бы не агрессивный, но, правда малоденежный и бомжеватый. Что

поделать, у каждого плюса всегда есть свой минус.

– Р-р-р-р-р!

С безумно счастливым видом мимо меня по коридору промчался Байкер. Этот малый был здешний старожил. Ему мерещилось, что он рассекает просторы дорог на мотоцикле. Роль железного коня вполне успешно исполняла старая деревянная швабра. Вообще, давать такой предмет психу было не положено, но дежурной смене санитаров скучно, а Байкер производил забавное впечатление. Ну и весомый фактор, что обход врачей уже час как закончился.

«Р-р-р-р-р» стало приближаться сзади, и я остановился, прислонившись к стене. С Байкером шутки плохи. Собьёт за милую душу.

Рассказывали, что прошлым летом Байкер, гоня с палкой по территории вокруг здания, перемахнул забор и устремился на вольные просторы. «Проезжая» мимо остановки, где в ожидании автобуса судачили за жизнь две бабки, он остановился и предложил их подвезти. В ответ на отказ Байкером был предъявлен предмет похожий на нож, который впоследствии оказался заточенной палкой. Отговорки и жалобы были отклонены. И одна бабка оседлала швабру, другая бежала с сумками за ней километра три, пока не свалилась в придорожную пыль. К исходу такого марафона Малахов, Порошенко с Украиной и ироды из правительства отошли у старушек на второй план. После внесения позитива в жизнь пенсионерок, Байкер объявил о европейском мотопробеге и

исчез вдаль. Впрочем, из турне он явился назад в психушку добровольно уже вечером, изрядно оголодав...

Тем временем на «проезжей части» больничного коридора возникли две хмурых личности в сопровождении санитаря и охранника. Новенькие! Интересно куда их определяют?

Байкер, набравший уже ускорение, вильнул в сторону, слегка зацепив окрашенную синей краской стену и продолжил бы свой путь, если бы не молниеносно выставленная и убранный нога одного из мрачных типов. Каждый байкер знает, что рано или поздно он полетает над шоссе. Последний метр тормозного пути неудачливого психа был отчётливо заметен по красным следам расквашенного со всего маху носа.

– Твою мать, Байкер! Смотри куда прёшь! Эй, Миха, забери у дебила швабру! Не хватало ещё, чтобы он убился в мою смену.

После пламенной речи санитар повернулся к новеньким, показывая на открытую решётку палаты «зеков»:

– Заваливайте. Ваши койки возле стены справа. За нарушение дисциплины – сутки в надзорной комнате. Вам расскажут, что это. Пошли живее!

Прежде чем зайти внутрь, последний мужчина с серым морщинистым лицом мазнул по мне беглым взглядом. Злым и беспощадным. С таким выражением давят тапком наглого таракана. Удар, и через секунду уже никто и не помнит про несчастную букашку, которая ещё корчит лапами, отпуская

в тараканий рай свою примитивную короткую жизнь.

Это же те самые новенькие, о которых баба Нина говорила! Ты смотри-ка, точно они!

Однако! Может, она правду экстрасенс? Но надо было спешить. Сотню дать санитару за встречу с Окулистом, а к часу за метлой и на улицу. Свежий воздух. Предвкушение кайфа. Скорее бы.

* * *

Моя классная руководительница очень любила назидательно повторять фразу о том, как же облагораживает человека физический труд. Кто-нибудь из вас получает удовольствие от подметания двора? Конечно, это не так весело, как залипать в экран мобильного! Но поверьте, попав в психушку, вы оцените всю прелесть физической активности сполна. Удовольствие двигаться, действовать, дышать свежим воздухом несравнимо ни с чем. Движение – жизнь. А в нашем печальном заведении телодвижения очень ограничены. Никаких тебе спортзалов, даже отжиматься от пола нельзя. Многие, впрочем, накаченные уколами неспособны и на это.

Шорк! Шорк! Метёлка такая олдскульная, не китайские пластиковые прутья, а настоящая вязанка мёртвых тонких веток. Уцелевшая труха прошлогодней листвы обречена, согнана в кучки, чтобы потом быть преданной огню. Пожелтевшие «мумии» ушедшего лета совсем не нужны новой весне.

Старичью тут не место.

Каждый наверняка знает один простой фокус: если пристально смотреть человеку в спину, он почти гарантированно обернётся. Почему так происходит, остаётся загадкой, это что-то на другом уровне, чем реакция органов чувств. Ведь взгляд беззвучен!

Сначала я не мог понять. Пыльное окно первого этажа. Решётка. Смутный светлый силуэт за ней. Метла выпала из рук. Сознание лишь зарегистрировало мои действия взглядом стороннего наблюдателя. Шаги сквозь облезлые кусты.

Это ты! Ты! Ты!

Ноздри жадно втягивали воздух. Но толстое пыльное окно не пропускало ни единого запаха наружу.

Ты! Ты!

Она наклонила голову, уперевшись лбом во внутреннюю решётку. Зрачки на миг вертикально сузились, потом стали снова обычными, нормальными, человеческими.

Я ошарашенно смотрел. Откуда она здесь? Как тут оказалась? Она пришла за мной и её схватили? И что...

– Эй, слышь, – голос санитара не внушал ничего хорошего. Антон, гнида, его смена оказывается сегодня.

– Ты чё метлу бросил, псих? Не хочешь мести, так тут желающих полно! Давай живо за работу, иначе без обеда останешься, пока недоделаешь.

– Извините, Антон. Я сейчас всё сделаю.

Взгляд невольно возвращался к окну первого этажа.

– Антон Сергеевич, дебил! Не можешь все запомнить? Хочешь, память тебе полечу? У меня методы самые эффективные.

Сука. Нужно быть послушным. Это самое правильное в общении с ним.

– Антон Сергеевич, простите. Там женщина, на первом этаже... Она давно у нас? Кто она?

Санитар достал сигарету из пачки, прикурил. Пренебрежительно выпустил струю прямо в меня. Его физиономия была всё испещрена мелкими точками, впадинами, кратерами, как будто его лицо пытались взять штурмом, подвергая яростному обстрелу.

– Да, симпатичная девка. И дикая совсем. Даже не говорит. Ни документов при ней, ничего. Прямо голой в лесу её менты нашли. Они там шарились, схрон искали нарकोшный для вещдока. Хотел ей немного сиськи помять, так эта тварь меня искусала. Ничего, сейчас посидит с кляпом суток двое. Давай, в общем, Арсеньев, пошевеливайся, пока я добрый.

Санитар было развернулся уходить, но я его остановил. Инстинкт самосохранения внутри кричал: «Пусть идёт! Ты чего нарываешься?»

– Антон Сергеевич... Можно мне на неё посмотреть поближе. Пожалуйста...

Мерзкое лицо снова приблизилось почти вплотную.

– А зачем тебе? Она же животное безмозглое. Рубашку с неё никто не снимет пока, а кляп и подавно. Если есть день-

ги, к Афродите визит – запросто. Чем тебе она не нравится? Девка – огонь!

Афродита была уникальным и безнадёжным пациентом. Куда там Ларсу фон Триеру с его «Нимфоманкой»! Я даже не знал, как девушку зовут на самом деле, а Афродитой она была прозвана за необузданную страсть к сексу. Говорили вроде, что в четырнадцать ее изнасиловал одноклассник и после этого девушка потеряла интерес к плотским утехам лет на десять. Но вот потом... Сайты знакомств, дискотеки. Она не могла насытиться, поэтому в психушку пришла по собственной воле, после того, как по ее словам, в ней за один день побывало около тридцати человек. Да вот только надежды горе-нимфоманки на современное лечение не оправдались. Сильные уколы назначать было опасно, по причине превращения здоровой молодой женщины в овощ, а таблетки не оказывали никакого эффекта. От слова совсем. Постепенно Афродиту стали использовать санитары в качестве дополнительного заработка. Примерно через три недели пребывания в нашем малоприятном доме тебе предлагали за пятьсот рублей отвести к ней на полчаса.

Я тоже ходил один раз, сознаюсь. И удовольствия не получил никакого. Одно дело – девушка любящая секс, другое – больная им. Этакая живая секс-кукла с настройками, выкрученными на максимум. Безумие в глазах отражало безумие в теле. Б-р-р-р-р.

Я старался придать своему лицу максимально проситель-

ное, заискивающее выражение.

– Я... Я только посижу, посмотрю на нее и все.

Антон противно заржал. Господи, ну и мерзкий смех у него!

– А-ха-ха. Решил руку подкачать? Девка красивая, можно пофантазировать. Это дорогое удовольствие. Боюсь, денег не хватит у тебя.

– А сколько нужно?

Антон бросил бычок на землю, выразительно посмотрев на меня. Хорошо, хорошо. Я подниму сам. Спрятал окуроч в карман.

– Две тысячи. Найдёшь, так подходи на пост после обеда.

Две тысячи! Вот тварь! Это же вся моя заначка, спрятанная в подошве левого тапка. Я ещё раз посмотрел на смутный силуэт в зарешеченном окне. Я приду к тебе! Сегодня. Жди!

Тени в пижамах стали подтягиваться к входу, складывая метёлки и грабли возле двери кладовки. Скоро обед, надо успеть домести свой участок.

* * *

– У тебя времени полчаса. Мне тут торчать недосуг долго, дел полно. Дверь плотно закрывать не буду. Кляп и рубашку не трогать! Ты ведь никогда ещё в надзорной комнате не был? Не хочешь? Вот-вот. Руки не забывай менять. Ха-ха-ха!

Опять этот мерзкий смех. Слава Богу, не злой, а довольный, ведь вся моя заначка уже в кармане белого халата. Давай же быстрее!

Дверь открылась. Лязг ключей – и решётка скользнула в сторону.

– Кричи, если что...

Солнце уже уходило на другую сторону здания, последний луч, словно застывший маяк, высвечивал ближний угол комнаты. Мельчайшие пылинки на миг оживали, попадая в него, чтобы затем бесследно исчезнуть в окружающем сумраке.

– Как ты здесь очутилась? Ты пришла за мной?

Ноздри втягивают воздух. Шумно выдыхают его уже тёплым, полным твоего запаха.

Зрачки стягивают на себя полную желтоватой зелени радужную оболочку глаз, как холодной зимней ночью ладони неосознанно во сне тянут край одеяла, пытаясь согреть тело. И вот уже не чёрный круг, а узкая едва пульсирующая щель, манит, заставляет прижаться. Вдыхать едва уловимый за пахнувшей больницей одеждой запах свободы. Запах можжевельника и пряного папоротника, покрытого мельчайшими каплями утренней росы. Особенный запах лесной тишины, наполненной звуками птиц, шорохом мелких зверьков где-то в кустах, дыханием спящей где-то наверху, в дупле совы.

Я обнимаю, вдыхаю твой воздух. Он такой тёплый, полный любви и тоски. Вдох-выдох-вдох. Всё чаще, всё быстрее.

И вот уже в тихий свист, стон, жалобный скулёж. Я никогда не слышал твоих слов, и только сейчас понимаю, что они совсем не нужны. Человеку нужно умереть, чтобы перестать думать, страдать. Он не может наслаждаться своим существованием без разума, как вся остальная природа. Разве что в момент пикового наслаждения, что называют оргазмом, на несколько секунд, человек по-настоящему погружается в это природное безумство. Так может, безумие и есть счастье? Та нирвана, уйти в которую желает каждый из нас?

Её тело вздрогнуло, напряглось. Следом и я почувствовал что-то чужое, тёмное. Запах человека, санитаря. Запах боли, лекарств и страха.

– Э-э-э! Смотри-ка, какие голубки. Ты романтик, что ли? В следующий раз цветы не забудь. И деньги тоже. Давай пошли, время вышло.

Время думать о конце лечения прошло. Пришло время долгих мучительных размышлений о побеге. Мне нужно освободить её и стать свободным самому. Навсегда. Безвозвратно.

* * *

За свою жизнь я прочитал очень много книг. И в то же время у меня нет целых комнат, заваленных бумажными кирпичами. Честно, не люблю домашние библиотеки. У книг слишком короткая жизнь. Прочитали, а потом на пол-

ку. Особо везучих перечитают, но вот шансов на это очень мало. У каждого человека разная и уникальная степень изначального сумасшествия. Моя состоит в том, что я одушевляю предметы. Мне кажется, что книги живут. Стоят на полках, как заключённые в тюрьме. Для них свобода – это глаза и руки читателей. Но никто не приходит месяцами, годами. Кого-то отдадут в библиотеку – другую тюрьму. Кого-то выбросят в мусорный бак, чтобы грязный вонючий бомж страница за страницей выдирает для своих нужд уже никому не нужные слова, чувства, мысли. Поэтому я избегаю книжных тюрем у себя дома.

Когда-то мой любимый жанр была фантастика, а в частности, постапокалипсис. Ах, эти бродилки по пустошам, безлюдье, ржавчина, брошенные города! Поиски остатков былой роскоши. В уютном кресле, с чашкой чая это выглядит вкусно. В реальности —страшно в своей неизбежности. Неотвратимость индивидуального конца света мало кто осознаёт до последней секунды. Хлоп! Чёрный экран. Наша смерть.

Апокалипсис в нашу больницу пришёл к районе восьми вечера. Через час после окончания ужина. Могли бы, кстати, что-то получше гречки дать в финале. Но кто же это знал-то, кроме бабы Нины? Кто вообще знает точно, когда наступит его последний день? Его личный конец света.

Сначала санитары очистили коридор от всех пациентов, чтобы вывести Окулиста на помывку. Насколько я знал, ему

вкладывали что-то, отчего он становился вялым, вели в душевую, снимали рубашку и мыли струёй холодной воды из шланга под напором. Тварь привычно падала на колени, а санитары забавлялись, стараясь попасть ему в рот или ноздри. Всё как обычно по четвергам. Однако вот никто не заметил, как бедолагу Байкера впопыхах втолкнули к «зекам»...

– Р-р-р-р-а-а-а-а-а!

Судный час настал. Из палаты «зеков» показался самый настоящий всадник апокалипсиса в огне. Вместо выдыхающего пламя коня, под седлом ездока была обычная швабра.

– А-а-а-а-а-а-р-р-р-р-р-р-ы-ы-у-у!

Крик горячей плоти сменялся «рычанием» мотора, и потом уже этот звук снова захлёбывался в истошном вопле. Даже в минуту адской боли безумие не разрешало разуму запустить инстинкт самосохранения.

– А-а-а-а-а-а!

Губы кричащего Байкера покрывала корка ожогов. Обугленные щёки трескались, сочились кровью, тщетно пытались потушить охваченную пламенем кожу. Удивительно, как человек, на две трети состоящий из воды, может полыхать как спичка. Потеряв всякий ориентир, Байкер бился то об одну, то об другую стену. Запах горелого мяса и одежды стремительно достигал рецепторов, вызывая неудержимые позывы вернуть на свет божий больничную баланду. Из открытых решёток стали выбегать тени, разноголосица безумия, хаос тел в застиранных пижамах шёл волной за своим пылающим

предводителем.

– Твою мать. Вот хрень. Сука!

Охранник всё никак не попадал ключом в замок тюремной решётки, отделяющей коридор с палатами от вестибюля.

Отворив решётку, от себя, он тут же получил удар от влетевшего в него, уже не кричащего, а хрипло воющего, обгорелого тела Байкера

– Ах-х-х-х-е-р-е-т-ь!

Охранник наконец-то поднялся и достал из щитка в стене красный увесистый огнетушитель. А когда на тело несчастного мотоциклетного психа наконец-то полилась пена, основная волна бежавших следом сбила "чоповца" снова с ног. В противоположном конце вестибюля открылась дверь женского отделения, и фигура в белом халате санитаря бросилась ему на помощь.

Две тени не поддавались всеобщему хаосу. Я сразу узнал в них «чёрных людей» бабы Нины. Один из них подбежав, накинул заранее заготовленную проволоку на горло лежащему человеку в чёрной форме и изо всей силы её затянул. Второй подхватил красный цилиндр огнетушителя и, дождавшись приближения санитаря, со всего маху ударил им ему в голову. Зек крикнул, поднял продолжавшую исходить белой пеной безумия ёмкость и ещё раз приложил уже лежащего ничком санитаря. Ещё удар! Ещё! Красная густая масса, ещё недавно бывшая живой, полной планов и желаний выполнила свою последнюю задачу – потушила последние языки пла-

мени, на уже не шевелящемся теле Байкера.

– Леха, ключи поищи у легавого по карманам! Я пока в столе пошарю.

Сам я лежал возле стены метрах в семи от зеков, стараясь не привлекать их внимания. Часть психов хаотично бродила по серому вестибюлю, а часть устремилась в женское отделение, откуда спустя пару минут стали доноситься разноголосые крики.

– Чё? А чё? Чё? А чё?

Псих, которого по-моему, звали Севой, подбежал к двоим зекам. У Севы было забавная форма раздвоения личности. Как у Голлума из сказочного фильма. Одна часть его всегда норовила сделать подлость, при этом полностью контролирую тело, а вторая встревоженно кричала и упрекала первую. Сам он был достаточно безобиден и не ушёл в умственном развитии дальше ребёнка.

– Зачем вы так сделали? Нехорошие! Плохие! Вы убили дядю Колю!

– Лёха, заткни его!

Тут же голос Севы забулькал, а заточка в руке зека, проведя красную черту по горлу безумца, нырнула назад в рукав его халата.

Да как они вообще смогли сюда всё это пронести? Откуда они взяли горючку, чтоб облить несчастного Байкера? Проволоку, заточку?

Снова раздалась женские крики из противоположного

крыла здания. Чёрт, там же она! Нужно туда, немедленно! Я вскочил и бросился мимо повернувшегося ко мне спиной и продолжающего рыскать в одежде убитого охранника зека.

Быстрее, быстрее! Ещё четыре шага и полумрак тёмного коридора женского крыла лечебницы скрыл меня от возможных осложнений с «чёрными» людьми бабы Нины. Сначала, пока глаза привыкали к полутьме, я различал только тусклый свет зарешеченного окна в конце. Туда и пойду. У неё ведь предпоследняя решётка была? Справа? Да! Там ведь фасадная часть здания.

Под ногами что-то захрустело. Осколки разбитых ламп на потолке. Тень со смутными очертаниями хрипела впереди на полу. Так, надо быть осторожнее. Я аккуратно перевернул тело. Больничные штаны сползли до колен, на месте горла была вздувающаяся пузырями рваная рана. Ещё один тёмный силуэт рядом – Таня, санитарка из женского. Маленькая улыбчивая девушка. Лет тридцать ей всего лишь по-моему. Лицо сплошное тёмное пятно, я даже не мог различить глаза и рот. Халат изорван. Трусы спущены на щиколотки. Видимо, псих пытался её изнасиловать, но сам стал жертвой. Кого? Ладно, дальше идём. Справа за закрытой дверью палаты с ужасающим ровным ритмом слышны были глухие стуки. Нет-нет, мне не интересно, кто там и что он делает. Нет. Нужно идти вперёд.

Ещё один силуэт на полу. Санитар, судя по когда-то белой одежде. И тоже вместо горла тёмное липкое месиво. Вот и

её палата. Поломанный, розовый от крови кляп, будто перекушенный. Рубашка на полу даже не развязана, словно тело под ней перестало существовать. Куда же Она делась? Так назад на выход, здесь оставаться нельзя.

Одновременно с ударом по глазам света ярких ламп фойе, мои уши заложил пронзительный крик. Так орёт младенец, впервые увидевший свет. Вопль отчаяния, прощания с тёмной, но такой родной и безопасной материнской утробой. Теперь я знаю, что точно так же кричит уже взрослый человек, прощаясь навсегда с привычным светом этого мира. Окулист, склонившийся над поваленным зеком, усилил нажим розовых от слизи лопнувших глаз пальцев, жилы в каплях крови и воды на руках вздулись. Ещё усилие, и карающие длани Окулиста погрузились в мозг «чёрного» человека. Крик скатился в тональность хрипа, ноги отбивали частую дробь, словно подчёркивая кульминацию священнодействия.

– Тварь, падла!

Второй зек, наконец-то встал на ноги, опираясь о стену одной рукой позади склонившегося безумного монстра.

– А-а-а-а, сука!

Заточка погрузилась под правую лопатку Окулисту. Но что она могла сделать с этим монстром?

– А-а-а-а-а-а!

Средний и указательный палец погружались вглубь глазниц, миллиметр за миллиметром. Вторая рука оттягива-

ла полубеззубую челюсть новой жертвы вниз, медленно и неумолимо.

Самсон, раздирающий пасть льву. Золотое великолепие героизма, которое Марина, когда-то так тщательно выщеливала в экран своего «Айфона», пытаюсь найти удачный ракурс для фотографии во время нашей единственной поездки в Питер. Мелкие брызги фонтана долетали тогда до меня с порывами холодного ветра. Сусальное великолепие струями воды торжествовало своей мудростью и силой над дикой природой.

Если бы я был архитектором «Петергофа» Сатаны, лучшую композицию для кровавого фонтана было бы сложно придумать – «Дьявол, ослепляющий грешника».

Ещё нажим, ещё. Треск ломающихся костей. Хриплый стон превратился в сиплый выдох ускользающей в ад души.

Время – податливая глина в умелых руках разума. Гончарный круг может головокружительно вращаться, или замедлиться почти до неподвижности, остановиться, ожидая команды мироздания. Взгляд Окулиста застыл на мне в предвкушении творца. Скользящая от крови рука провела по безволосой груди, оставляя кровавую «зебру», помечая своего хозяина рунами безграничной власти безумия.

Далёкие звуки сирен полицейских машин наполнили дрожью инстинктов мои ноги. Сердце качало кровь. Кровь заполняла мышцы, заставляя приближаться распахнутые двери выхода, смазывая неуклюжие тени психов, разбрёдаю-

щихся по внутреннему двору на улице. Глаза фокусировались на фигуре безобидного убогого по имени Серёга. Даже сейчас, методично, раз за разом опуская свою голову на покрытый красным кровавым глянцем замок запертых входных ворот, он улыбался великолепию необъятности своего сумасшествия.

Закрыто. Куда? Куда?! Ужас вскипал в крови, выступая холодными каплями на коже. Забор бежал, прыгал как дворняжка рядом с моим телом, петлял, затягивал в тупик, за гаражами, отрезая возможность спасения хриплым дыханием неотстающего монстра.

Выхода нет. Я обернулся. Ристалище последней битвы. Начало конца. Квадрат десять на двадцать метров. Оцепенелость жертвы. Спокойное равнодушие приближающегося палача. Наверное, в такие моменты нужно вспомнить свою жизнь? Первую любовь, руки мамы, смех ползающего по полу полугодовалого сына. Я завидовал сейчас людям, не ведающим тяжёлую поступь смерти, не знающим, что она вовсе не носит чёрную накидку с капюшоном, и ей совсем не нужна коса. Серая тень мелькнула сзади. Словно что-то почувствовав, Окулист обернулся, выставив кулак в направлении пасти прыгнувшей волчицы. Белые клыки не могли сомкнуться, бессильно оставляя неглубокие порезы на коже безумца. Ладонь погружалась всё глубже в пасть волку. Рык превратился в хрип. Спина с торчащей из неё заточкой сгорбилась, зажимая своего противника, повалила вниз, придавливая, впечат-

тывая его в землю, превращая многоточие неизвестности в жирную точку своей очередной победы.

Нет! Нет! Нет! Земля вращалась мне навстречу. Ноги едва успевали ловить стремительными скачками её приближение. Приближение ненавистной фигуры, пульсирующей жилки на шее сзади, на которой сомкнулись мои зубы.

Рвать, вгрызаться, погружаться в ненавистное мясо, зажёвывать кровавым коктейлем безумия, текущим в венах адской твари. Сука! Я сожру тебя живьём! Ярость откинула голову Окулиста, открыв беззащитную шею, на которой тут же сомкнулись острые клыки...

– Ты смотри, жуть какая! Собака и псих жрут другого! Что за ад здесь творится?

Фонарь на миг ослепил, потом метнулся в сторону, отразившись в волчьих зрачках, блеснув в красной капле, застывшей на оскаленных клыках. На касках говоривших мелькнула надпись «Росгвардия» Лязгнул затвор, тень выбросила руку вперед.

– Психов сказали не валить, Андрюха! В стволе боевые, ты забыл?

– Собаку надо мочить, искушает, бешеная ведь видно, – вторая тень раздражённо оборвала говорившего. Затем выплюнула отвратительные резкие звуки в мою сторону:

– Слышь, дебил, убирайся, я сказал! Зацеплю ведь. В сторону, придурок!

Голос срывался на визгливые нотки. Краем глаза, я увидел, как её лапы согнулись, напряглись для прыжка. Тело прижалось вниз, сливаясь с холодной землёй, сжимая пружину ярости, вековой ненависти к человеку с ружьём.

– Слышишь, ненормальный! Отвали в сторону, говорю тебе!

Глухое рычание слева. Дрожь руки «космонавта» с зажатой железной, пахнущей смертью палкой. Неловкое движение. Стук фонаря об асфальт. Смерть искусственного света в звуке лопнувшего стекла. Торжество мгновенной тьмы. Облако на небе подвинулось в сторону, открывая ровный круг луны. Идеальные очертания жёлтого сияния обрамляли голову в шлеме, словно изображение святого на старой закоптившейся иконе.

Бледный свет струился, проникал через зрачки, двигался вглубь нейронными тропами, заполнял мозг, выжигал мысли, плавил чёрные силуэты в касках, размещивал, растворял их без следа в сияющей дороге в небесный круг. Два волка прыгнули на неё. Крики, хлопки выстрелов, хриплое рычание, всё осталось там, далеко внизу, в другой вселенной. Два силуэта стремительно неслись в лунном свете к безграничной безумной свободе.

Конец.

Реально существующие (существовавшие) персонажи:

Окулист (повесился в камере)

Баба Нина (продолжает курс лечения)

Байкер (продолжает курс лечения)

Сева (утопился в раковине по приказу своей второй личности)

Афродита (продолжает курс лечения)

Антон (продолжает работать санитаром)

Гарри Поттер (продолжает курс лечения)

«Путин» (продолжает курс лечения)

Татьяна (убита во время попытки побега пациентов)

Марат

Алекс

Марина

Автор